

С сыном Федором и дочкой Арсенией Виктор старается видаться как можно чаще. На даче под Санкт-Петербургом

года я нашел примирение с собой и с миром...

Полина меня иногда ругает. Она говорит: «Витя, ты каждый тост начинаешь со слов: «Какие вы все замечательные! И как мне радостно, что вы все замечательные!» Это, конечно, утрировано, но на самом деле, если человеку постоянно говорить, что он хороший, он будет вынужден стать немного лучше. Хотя многие считают: сколько ни говори «сахар», сладко во рту не будет. Это неправда. Я много раз пил чай без сахара и убеждал себя в том, что он сладкий. И он действительно становился сладким.

— Ваш герой Кузьмич был не только

любителем медитации, но и большим ценителем водочки. А какие у вас отношения с алкоголем? Бывали ли у вас смешные истории по пьяной лавочке?

— По пьяной лавочке в жизни обычно происходят не смешные истории, а грустные. Мой друг Саша Завьялов свалился, например, из обшаги с шестого этажа, и все думали, что он убится. А он поднялся и пошел — только рука была поцарапана. Я тоже в свое время упал с четвертого этажа — задом. А у меня такие ботинки были на каучуковой подошве — даже ноги не отбил. По молодости много со мной приключалось историй... Но с того момента, как я стал

узнавасмым, я не могу себе позволить выпить огромное количество алкоголя и расслабиться до такой степени, чтобы не помнить свой адрес и не знать, где вход в метро. Приходится себя блюсти.

В 95-м году, когда мы вернулись с «Кинотавра», где получили все мыслимые и немыслимые награды за фильм «Особенности национальной охоты», я пришел на «Ленфильм». Все, естественно, должны были со мной пообщаться, руку пожать и конечно же выпить. Прошло месяца два таких вот дружеских возлияний. И в какой-то момент сидел я на студии и понял, что отравился. Приехал домой и два дня лежал мучился. Тошнило меня ужасно. И вдруг выплюнул я какой-то огромный кусок, очень похожий на печень. Я испугался, думаю, как же мне без печени жить? Поплелся по коридору в комнату. Через каждые два метра падал. Потом все же собрал силы и позвонил Сергею Селину — Дукалису из «Улиц разбитых фонарей». Говорю, плохо мне, приезжай. Он хоть и живет неблизко, за двадцать минут причался в тапочках. «Скорую» вызвали. Через час приехал врач — за голову схватился. Оказалось у меня желудочно-кишечное заболевание. Конечно, не пе-

чень я выплюнул — это кровь в желудке скапливалась дня три или четыре. И килограмма два этой загустевшей крови я выплюнул. В общем, привезли меня в больницу. И тут у меня начались видения. Я стал вспоминать, где и с кем я был не прав и у кого я должен попросить прощения. Тем временем меня положили в реанимацию — под капельницу. На второй день очнулся...

Рядом со мной лежал старик лет 80. Он есть не мог — у него была непроходимость кишечника. И вижу я, к нему никто не приходит. Я сначала звал к нему сестру, потом сам стал за ним ухаживать — водичку подавать, подушки поправлять. Потом его на операцию увезли, я ходил к операционной, спрашивал: «Ну как там мой дед?» И в этот момент приехала его жена с дачи — она просто не знала, что ее муж в больницу попал. И вот когда меня выписывали, она, уже очень старенькая бабушка, встала передо мной на колени и стала целовать мои руки. Так что я не только сам подлечился, но и дедушке помог...

У меня недавно появились друзья в одной винной галерее. Они меня часто приглашают. Я хожу туда с Полиной, если она не может, беру приятелей. И мы

